

81.411.2

Д 72

КР 1436329

кр

На правах рукописи

ДРАЧЕВА Юлия Николаевна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Научный руководитель: доктор филологических наук
Ильина
Елена Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Волкова
Наталья Александровна

кандидат филологических наук
Крылова
Ольга Николаевна

Ведущая организация: Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 12 декабря 2011 года в 10.00 на заседании диссертационного совета КМ 212.031.03 при Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160001, г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан « 9 » ноября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук доцент Л.Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена анализу структурных и семантических особенностей диалектных наречий в современных вологодских говорах, изучению динамики внутренней формы слов данной части речи.

Актуальность исследования состоит в том, что морфемика и словообразование «периферийных» частей речи, к числу которых могут быть отнесены наречия, изучены значительно меньше, чем морфемика и словообразование основных частей речи – имён и глаголов. Положение наречий в системе частей речи, обусловленное спецификой их грамматической семантики и синтаксической функции, морфологической неизменяемостью, достаточно поздним образованием большинства наречий в грамматической системе языка на базе уже существующих частей речи (существительных, прилагательных, глаголов и пр.), делает слова данной части речи интереснейшим объектом для наблюдений в области структуры слова. Особенно актуальным является описание динамики внутренней формы наречий, различного рода процессов, изменяющих морфемную и словообразовательную структуру слова, свидетельствующих об эволюции морфемной и словообразовательной систем языка.

Многие отечественные лингвисты пишут о том, что семантическое развитие наречий неразрывно связано с их грамматической эволюцией и во многих случаях приводит к затемнению внутренней формы и разрыву лексических связей слов. Л.А. Булаховский отмечает, что наречия особенно подвержены дестимологизации, так как эта категория слов исторически характеризуется тем, что возникает в результате синтаксически обусловленной деморфологизации [Булаховский, 1949]. Л.Г. Яцкевич пишет о деграмматикализации и последующей грамматикализации как процессах формирования морфемных показателей – маркеров наречий [Яцкевич, 2010], об отражении категориальных значений частей речи в морфемной структуре слов, в частности наречий [Яцкевич, 2004; Яцкевич, 2008; Богданова, Яцкевич, 2006]. В литературном языке процесс адвербиализации (в самом широком понимании этого термина) и связанные с ним семантические изменения в структуре лексического значения слова исследуются с позиций синхронии – прежде всего семантического взаимодействия с другими словами в предложении [Филипенко, 2003] – и диахронии [Янович, 1978; Чурмаева, 1980; Яцкевич, 2010]. В диалектах, наряду с исследованием семантики наречий и адвербиализированных слов [Скрыльникова, 1967; Глущенко, 2001; Первухина, 2002; Бочкарёва, 2008], обращаются к анализу их морфемной структуры [Попов, 1956; Попов, 1983; Королева, 1984; Жбанкова, Орлова, 1995; Чикина, 1992; Савёлова, 1999; Богданова, Яцкевич, 2006] и аспектам взаимодействия наречий с другими словами в составе диалектных корневых гнезд [Шаброва,

2004, 2010; Колесова, 2010; Крылова, 2010]. В настоящее время внимание отечественных исследователей сосредоточилось на представлении семантики диалектных наречий как мотивационной составляющей [Мотивационный словарь наречий, 1990; Сидорова, 2007; Блинова, 2007] и как полевой структуры [Панков, 2004; Яцкевич, 2004, Савёлова 2009]. С повышением внимания к изучению внутренней формы наречий (как в литературном языке, так и в диалектах) остается актуальным описание семантики наречий как полевой структуры с построением и структурированием диалектного корневого гнезда как основного инструмента анализа и результата исследования морфемной структуры диалектного слова.

Наречия в вологодских говорах ещё мало изучены с точки зрения проблематики морфемки и словообразования. Системное описание вологодских наречий начинается с работы А.А. Веселовского [1928], в которой автор описывает лексическую семантику слов данной части речи и территорию их употребления в Вологодской губернии. Позже лексическая семантика и грамматические свойства наречий рассматриваются вологодскими диалектологами Л.Г. Яцкевич [2008; 2010], Л.Ю. Зориной [2009], Л.М. Козневой [2008], Т.В. Парменовой [2008]. Перечисленные авторы комментируют ограниченное число исследуемых слов. Весь массив диалектных наречий, зафиксированных в современных вологодских говорах, на данный момент ещё не описан ни в семантическом, ни в структурном аспектах. Наше исследование восполняет этот пробел.

Объект изучения – диалектные наречия, представленные в опубликованных выпусках «Словаря вологодских говоров» (далее – СВГ), а также наречия, зафиксированные нами в процессе полевых наблюдений над говорами Нюксенского района Вологодской области. В состав наречий, по данным СВГ, входит около полутора тысяч слов. К ним примыкает примерно 160 предикативных наречий (*збѣно* ‘чисто’: *Уж у вас и так збѣно в избѣ-то* [СВГ, 1: 116]) и более 250 адвербиальных сочетаний (*до лёпету* ‘совсем, полностью’: *До лёпету всё с себя продала* [СВГ, 4: 36]).

Предмет анализа в диссертации составляют семантика, а также внутренняя форма диалектных наречий, определяемая спецификой их морфемной и словообразовательной структуры.

Цель исследования – описать структурно-семантическую организацию диалектных наречий в современных вологодских говорах, охарактеризовать динамику внутренней формы слов данной части речи в исследуемой совокупности диалектов. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- а) определить лексический состав наречий в современных вологодских говорах;
- б) исследовать лексико-грамматические группировки диалектных наречий;

в) проанализировать процессы динамики внутренней формы наречий в вологодских говорах, выявить общеязыковые черты и диалектные особенности их строения и образования;

г) на основании выявленных особенностей внутренней формы диалектных наречий реконструировать отдельные фрагменты диалектной языковой картины мира севернорусского крестьянина.

Ведущим методом, используемым в диссертации, является описательно-аналитический метод, включающий в себя различные виды анализа, в первую очередь, морфемный и словообразовательный, а также элементы лексико-семантического анализа. Необходимость учета различных факторов, определяющих членимость морфемной структуры наречий, обуславливает наше обращение к функционально-типологическому направлению в морфемном анализе слова, разработанному в трудах Л.Г. Яцкевич [Яцкевич, 1993, 2006, 2010; Морфемика, 2002]. Для изучения внутренней формы диалектных наречий использовался комплекс приемов анализа внутренней формы слова, включающий в себя обработку и анализ метаязыковых высказываний носителей диалекта, построение диалектных корневых гнезд и мотивационный анализ.

Источником фактического материала исследования послужили 12 выпусков дифференциального толкового «Словаря вологодских говоров», подготовленных на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета и опубликованных под редакцией Т.Г. Паникаровской и Л.Ю. Зориной. Словарь включает в себя лексику говоров вологодской группы северного наречия и некоторых сопредельных говоров (Кирилловский, Шекснинский районы). Его лексический состав однороден как в территориальном, так и во временном отношении (материал собирался с конца 60-х гг. XX века у информантов, как правило, родившихся до Великой Отечественной войны и хорошо знакомых с крестьянским бытом и духовной культурой старой деревни), поэтому на материале «Словаря вологодских говоров» представляется возможным как лексико-семантическое описание наречий, так и анализ их морфемной и словообразовательной структуры.

Научная новизна диссертации. В диссертации впервые исследуется значительный состав диалектных наречий современных вологодских говоров (более 1500 слов): описываются их лексическая семантика, морфемная структура и специфика словообразования. Впервые внутренняя форма диалектных наречий рассматривается с позиций функционально-типологического подхода к анализу слова. Динамика морфемной и словообразовательной структуры исследуемых слов характеризуется как очевидный показатель эволюции морфемной и словообразовательной систем современных вологодских говоров.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексическая семантика диалектных наречий во многом зависит от их отнесенности к тому или иному грамматическому разряду (обстоятельственные / собственно-характеризующие наречия). Диалектная специфика семантики наречий в вологодских говорах определяется особенностями восприятия мира сельским жителем Русского Севера. Поэтому на основе семантического анализа диалектных наречий в вологодских говорах могут быть реконструированы фрагменты диалектной языковой картины мира.

2. Морфемная структура диалектных наречий сочетает в себе общерусские признаки и диалектные особенности. К числу локальных черт следует отнести наличие в структуре наречий территориально ограниченных морфем, многообразии структурного варьирования морфем и их сочетаний, а также специфическую дистрибуцию морфем в составе наречных основ. Динамика морфемной структуры основ диалектных наречий проявляется в ослаблении сигнификативной значимости корня в сравнении с его аффиксальным окружением, а также в десемантизации аффиксов именного и глагольного словообразования в составе наречных основ.

3. Словообразовательная структура диалектных наречий реализует типологические свойства словообразовательной системы вологодских говоров: с одной стороны, сохранение более архаичных словообразовательных связей между словами, а с другой – активность процессов словообразования, свойственных живой разговорной речи. Признаком динамики словообразовательной структуры диалектных наречий является словообразовательная дивергенция слов данной части речи по отношению к исходному словообразовательному гнезду.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Результаты работы войдут в общее описание грамматических свойств наречия в русском языке и русских территориальных диалектах, а также могут оказаться полезными для создания обобщающих трудов по морфемике и словообразованию вологодских говоров. Материалы и выводы диссертации могут быть учтены в процессе преподавания различных лингвистических дисциплин, в первую очередь русской диалектологии, а также морфемике и словообразования современного русского языка. Анализ конкретных слов может дать полезную информацию при введении дополнений во второе издание «Словаря вологодских говоров», а также при создании диалектного словаря строения слов.

Апробация исследования. Основные выводы и материалы диссертации были представлены в докладах на всероссийском научно-методическом семинаре «Диалектное словообразование, морфемика и морфонология» (Санкт-Петербург, 2007; Вологда, 2008, 2010), на всероссийских координационных совещаниях «Лексический атлас русских на-

родных говоров» (Санкт-Петербург, 2005, 2006), на всероссийских научных конференциях «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда, 2008, 2010), на региональной научной конференции «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, 2009), на ежегодных смотрах-сессиях аспирантов и молодых ученых Вологодской области (Вологда, 2008, 2009), а также на заседаниях кафедры и аспирантского семинара кафедры русского языка ВГПУ.

Структура работы. В диссертацию входят введение, три главы, заключение, списки сокращений, источников, используемой литературы, а также приложения, включающие алфавитный перечень наречий, зафиксированных в «Словаре вологодских говоров» (более 1300 лексем), и образцы диалектных корневых гнезд.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертации, ее научной новизны, теоретической и практической значимости. Определяется цель исследования, формулируются цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту, даются описание методов исследования, характеристика источников, содержатся сведения об апробации работы.

Глава первая «Актуальные проблемы изучения наречий в исследовании по русской диалектологии» содержит обзор наиболее актуальных проблем анализа лексической семантики и грамматических свойств наречий в работах по русской диалектологии.

Первый параграф «Проблемы определения лексического состава наречий как отражение специфики грамматической системы русских территориальных диалектов» представляет собой освещение основных направлений решения проблем тождества и границ слова, проблем вариантности слова в диалектологии применительно к такой грамматически специфической части речи, как наречие.

Широкая вариативность диалектных наречий и размытость границ между собственно наречием и наречным сочетанием в устном некодифицированном функционировании в русских говорах приводят к развитию синонимии различных типов и спорному статусу некоторых элементов (-сь, -ть, -ка, -ова, -ло и пр.) в морфемной структуре наречий. Регулярность данных структурных элементов способствует их выделимости и повышает степень морфемной проницаемости слов типа *здесь-там*. Применение грамматического критерия для определения лексического состава наречий в диалектной системе осложняется тем, что в говорах значительно более явно реализуются тенденции функциональной размытости границ частей речи и омонимии наречий со словами других частей речи (словами категории состояния, модальными словами, сравнительной степенью прилагательных).

Мы определяем лексический состав диалектных наречий в современных вологодских говорах следующим образом.

А) Проблему тождества и границ слова, а именно проблему разграничения случаев вариантности и синонимии, мы решаем вслед за составителями «Словаря вологодских говоров»: в качестве вариантов слова рассматриваем его фонетические модификации, безразличные к репрезентации морфемных границ в слове и средств его словообразования: *лётось*, *лётосе* и *лётося* ‘в прошлом году’ [СВГ, 4: 38]. В остальных случаях классифицируем лексические образования как словообразовательные или морфологические синонимы: *лётосека* – ‘то же, что *лётось*’ [там же].

Б) Учитывая то, что «Словарь вологодских говоров» объединяет в себе данные макросистемы вологодских говоров, мы не рассматриваем проблемы пространственной локализации явлений синонимии и вариантности: во многих случаях для этого нет достаточных фактологических оснований.

В) Наречия и близкие к ним по структурно-семантической природе образования мы включаем в своё исследование, руководствуясь концепцией грамматического поля наречий: относя к ядерной зоне качественные наречия, обладающие полным спектром морфологических и синтаксических признаков данной части речи, а также рассматривая внутри поля другие образования, в большей или меньшей степени реализующие адвербиальную семантику. На периферии поля находятся местоимённые наречия (*тúтока*, *тúтоки*, *тúтыка* ‘здесь, тут’), безлично-предикативные слова (*лúдно* ‘о большом количестве’) и многочисленные в вологодских говорах наречные выражения (*зубы тúричком* ‘спокойно, невозмутимо’).

Во втором параграфе «Семантическая классификация наречий в говорах и проблема реконструкции диалектной языковой картины мира» описываются типичные лексико-семантические группы наречий, которые выделяются и в русском литературном языке, но наполняемость этих групп, как неоднократно отмечали диалектологи, неодинакова, специфична и семантическая парадигматика ЛСГ наречий в говорах: констатируется более высокая степень членения и градуальности пространства и времени, что связано с представлениями сельского жителя о членении мира на свое и чужое: по мере удаления от своего пространства (жилища) возрастает степень «чуждости»: дом – двор – село – поле – лес [Славянская мифология, 2002: 425]. Семантический анализ наречной лексики говоров служит решению проблемы реконструкции диалектной языковой картины мира. В поле зрения диалектологов чаще всего попадают имена и глаголы, вместе с тем в ряде работ исследование диалектной языковой картины мира основывается на лексико-семантическом анализе наречий [Савелова, 2001; Парменова, 2008; Бочкарёва, 2008; Глушенко, 2002, 2006].

В своем исследовании мы привлекаем существующие опыты реконструкции диалектной языковой картины мира в процессе анализа семантики и структурной организации диалектных наречий для описания способа «ословливания» мира севернорусским крестьянином – жителем определённой территории с её ландшафтным и метеорологическим своеобразием, растительным и животным миром, носителем традиционной бытовой и духовной культуры Русского Севера.

Мы придерживаемся мнения о том, что специфика восприятия мира носителями территориальных диалектов отражается во внутренней форме употребляемых им слов: «Изучение внутренней формы слова обращает нас к самому процессу номинации, ибо актуализация того или иного признака в слове – это не просто акт словотворчества, а часть общего целенаправленного языкового процесса созидания, обусловленного внутренними потребностями как самого человека, так и языка» [Вендина, 2002: 44]. Во внутренней форме слова отражаются оценка и познание мира, следовательно, она напрямую связана с формированием ценностного видения мира.

В третьем параграфе «Анализ внутренней формы диалектных наречий в контексте современных исследований по морфемике и словообразованию русских народных говоров» рассматриваются работы русских диалектологов и грамматистов в рамках проблематики нашего исследования.

Одним из основных направлений диалектной морфемике и словообразования стало сопоставительное изучение структурных особенностей диалектной лексики на фоне фактов литературного языка. Так, В.А. Сенкевич пишет о преобладании лексико-словообразовательных диалектизмов в диалектной лексике, что подтверждается и нашими наблюдениями над функционированием наречий в современных вологодских говорах; И.А. Попов устанавливает структурные особенности наречий в сводной системе русских народных говоров также в сопоставлении с наречной системой в литературном языке. Наиболее важными проблемами в изучении структуры диалектных наречий исследователи признают проблему соотношения общерусского и локально ограниченного в их характеристике, проблему морфемной членимости наречий отдельных структурных групп (прежде всего, местоименных обстоятельственных наречий), а также проблему разграничения синхронии и диахронии при описании исследуемых языковых явлений.

Конец XX века ознаменовался в русской диалектологии особым интересом к изучению проблемы внутренней формы слова, наиболее последовательно рассматривающейся в трудах учёных Томской диалектологической школы, которые привлекают для анализа материал устной народной речи носителей среднеобских говоров. О.И. Блинова определяет внутреннюю форму слова как морфосемантическую структуру слова, выявляющую взаимообусловленность его звучания и значения [Блинова,

1984]. С позиций семантической и структурной полимотивированности внутренней формы слова диалектный материал исследуется в трудах ученых Кемеровского государственного университета – Л.А. Араевой [1981; др.], П.А. Катышева [2001; др.] В диалектологических работах последних лет особенно активно исследуется проблема лексикализации внутренней формы слова. Решению этой проблемы посвящены диссертационные исследования Е.В. Михалёвой [1996], Е.В. Бельской [2003], О.В. Золотухиной [2004], К.М. Аносовой [2010], С.К. Соколовой [2010] и других учёных. На страницах этих работ, как правило, анализируются имена существительные и редко присутствуют наречия.

Вологодские говоры являются благоприятной средой для изучения лексикализации внутренней формы диалектных наречий: во-первых, устная форма бытования диалектов в принципе способствует развитию и разного рода видоизменениям мотивационных отношений, во-вторых, именно в севернорусских говорах дольше всего сохраняются архаичные элементы языковой системы, которые либо «консервируют» структурную мотивацию слова, либо поддерживают его лексическую мотивированность.

Вторая глава «Лексико-семантическая система диалектных наречий в современных вологодских говорах» посвящена описанию лексико-семантической классификации диалектных наречий в вологодских говорах, а также решению проблемы реконструкции диалектной языковой картины мира, выявления общедиалектных черт и локальных особенностей восприятия мира сельскими жителями европейского Севера России, причем мы ориентируемся на результаты работ, ранее выполненных на материале вологодских говоров [Кирилова, 2008; Крылова, 2010; др.], а также на результаты исследований когнитивного потенциала наречий в севернорусских [Глушченко, 2001, др.; Первухина, 2002; Савёлова, 2008; др.] и южнорусских [Бочкарёва, 2008; др.] говорах.

В первом параграфе «Наречие как объект семантической классификации» рассматриваются основные подходы к описанию природы и типов семантики наречий и адverbиальных выражений в работах А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, аспекты характеристики наречий в «Русской грамматике» (1980) и некоторых современных справочниках и монографических работах.

Различные подходы к семантической классификации диалектных наречий отражаются в современной лексикографической практике составления диалектных словарей неоднозначностью решения проблемы грамматической отнесенности некоторых существительных и словосочетаний к наречиям и потому вариативностью их орфографического написания. Также возникают вопросы о частеречной принадлежности контекстуальных наречий и о необходимости отражения в диалектных словарях омонимии наречий и слов других частей речи, вариативности наречий. Рас-

смотрены предложенные исследователями пути решения этих вопросов (работы Л.А. Савёловой, Ф.И. Панкова, И.А. Попова).

В предлагаемой нами классификации вологодских наречий используется традиционное разделение наречий на лексико-семантические разряды: наречия обстоятельственные и собственно-характеризующие (определятельные), что соответствует основным морфологическим типам наречий – соотносительных с именами существительными и соотносительных с именами прилагательными. Такая классификация позволяет судить о продуктивности того или иного класса наречий в системе вологодских говоров и оценить значимость денотатов для картины мира носителей диалекта. Семантика наречий внутри разрядов описывается для наиболее распространенных групп, а также в случае варьирования морфемной структуры наречий, отражения противопоставленных явлений в значении наречий. Наречная система вологодских говоров включает в себя полнозначные и местоименные наречия, формирующие основные семантические типы: обстоятельственные наречия места, времени, причины и цели; собственно-характеризующие наречия образа действия, качественные, сравнительно-уподобительные, количественные наречия, причем последние подразделяются на наречия совместности / распределительности и наречия меры и степени, обозначающие усиление / ослабление признака.

Обстоятельственные наречия представлены в вологодских говорах 590 лексемами, из которых в количественном соотношении 68% составляют наречия времени, 24% – наречия места, 6% – наречия цели, 2% – наречия причины, причем последние две группы наречий рассматриваются нами как общий подтип наречий обусловленности.

По мнению Т.В. Парменовой, исследовавшей функционально-семантическое поле темпоральности на материале вологодских говоров, из всех временных пластов *прошлое* наиболее значимо для носителей говора, что подтверждают и наши наблюдения.

Наречия, описывающие время до момента речи, отличаются наибольшей вариативностью морфемной структуры, а само микрополе прошедшего времени предстает в говорах как разветвленная система описания нюансов, оттенков временного значения. Семантика наречий конкретизируется и максимально детализируется при обращении к наиболее значимым для диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина понятиям. Так, «вставать рано», на рассвете начинать работу считается важным качеством трудолюбивого человека. Значение ‘утром’ включает два оттенка значения, употребляющихся носителями вологодских говоров: утром этого дня (*ўтре, ўтренником, ўтресь, ўтрось, ўтрея, сўтреки, сўтрея*) и утром следующего дня (*ўтре, ўтресь, ўтрось, ўтрея*). Сопоставимые с наречиями в значении ‘утром’ («утром вообще») семантические оттенки передают наречия, в лексическом значении которых

присутствуют семы 'рано', 'рано утром', 'на рассвете': *вранную, дóдни, дóсвету, изўтра, заўтро, совстáни, позарáнку, позарáнок, ранéхочко, ранину́, по́рано, по́рану, сыззарáнку, сыззарáнья, сы́зрань*. Наречие *дóсвету* также представлено в говорах в значении 'допоздна': *Дóсвету ведь, бывáло, управля́емся с сёном-то*. Наличие у наречия *дóсвету* одновременно сем 'рано' и 'допоздна' показывает, что эта лексема называет, как показывает внутренняя форма слова, строго определенный промежуток времени – предрассветные часы. Наличие живой внутренней формы у наречий поддерживается как употреблением имен существительных (литературных: *день, свет, утро, рань* и диалектных: ср. наречие *ранину́* 'рано утром' и существительное *ранина́* 'очень раннее время, рань' [СВГ, 9: 25]), так и прозрачностью смысла определенной ситуации, события в основе возникновения слова: *совстáни* 'сразу после пробуждения': *Что́ ты э́дак совстáни за водо́й-то побежа́ла? Я бы и сама́ сходи́ла, спи́ да спи́* [СВГ, 10: 67].

Будущее определяется темпоральными наречиями как ближайшее будущее, важное лично для каждого человека, носителя диалекта, для его каждодневного труда. Так, например, образуют синонимический ряд наречия со значением 'завтра': *за́втра, за́втрая, заўтре, наза́втрае* и пр.

Следует упомянуть группу обстоятельственных наречий, обозначающих временные рамки. Так, ряд одноструктурных диалектных наречий содержит в своей семантике обозначение начального периода времени совершения действия. Наречия этой группы могут выражать значения 'с давних пор': *сызвеку, сроду*; 'с давних пор, с самого рождения': *извеку*; 'с малых лет, с раннего детства, с детского возраста': *сызмаля, сыззамалу, сызмален, сызмалетства, смалетства*. Закрытый период времени обозначают наречия со значением 'в один день, за один день': *обудень, обыдень, овьидень, одновы́денкой, одновы́дкой, однополде́нком, вовьидень, овьидень, подень* и т. д.

Адвербиальный признак выражается через область предметных значений, имеющих отношение к понятиям пространственно-временной сферы. Так, названия времен года стали базой для образования яркой группы наречий со значениями 'зимой' и 'прошлой зимой': *зимой, зимски, зимусь и зимусь, зимуся, озимусь* – ср.: *зима*; 'весной' и 'прошлой весной': *вёсность, вёснусь и веснусь, вёснуса и веснуса* – ср.: *весна*; 'осенью' и 'прошлой осенью': *осенесе, осенесь, осенеса, осенись, осенися* – ср.: *осень*; 'летом' и 'прошлым летом': *лётосе, лётось, лётося, лётосека, лётусь, лётуся* – ср.: *лето*. Возможность определения этими наречиями временных отношений в настоящем / будущем в зависимости от контекста доказывает нелинейный характер шкалы времени в диалектной картине мира. «Диалектное время» не движется по шкале от прошлого через настоящее в будущее, оно более статично и связано с локальными, про-

пространственными категориями, что позволяет говорить о диалектном хронотопе.

Понимание времени как в целом недискретной категории отражается в употреблении многозначных наречий в общей диалектной системе более, чем в одном из значений шкалы времени, что свидетельствует о том, что внутренняя форма слова не противоречит этому употреблению и слово включает в себя возможность актуализации любого из трех значений (прошлое – настоящее – будущее) в частной диалектной системе (термин Л.А. Савёловой), в говоре, ср.: наречия *по́год*, *по́годь* используются для обозначения отнесения к прошлому – ‘несколько лет назад’, ‘в прошлом году’: *По́год как-то исследовали, дак то́жко спрашивали про церкву; По́год-то картошки меньше было, а нонче богатой урожай;* *Погодь ой как урожайно было клюквы на болотах;* к настоящему – ‘в этом году’: *Погод губ много будет* [СВГ, 7: 83–84].

Наречия места (локативные наречия) представлены 138 лексемами, из которых 56% являются отместоименными – в синхронном либо диахроническом отношении. Наречие признается специализированным средством объективации пространственной диалектной картины мира. Наиболее релевантными для диалектной картины мира вологодского крестьянина являются пространственные параметры «здесь» (например, наречия со значением ‘далеко’: *далече, широко*, ср.: *Далече ли идёшь?*; *Широко не хожу; В войну был широко*) и «близко» (например, наречия со значениями ‘рядом’, ‘близко, поблизости’: *рядом, вряд, содново, облизе, поблизку, поближности*, ср.: *Рядом была церква; У нас все деревни содново, а там далеко друг от друга; Магазин-от вряд совсем; Тут которые облизе живут, никогда не опаздывают; Обе церкви поблизку, недалёко; Подай чашку, ты поближности от шкафа*). Судя по лексической наполненности группы выражения адвербиального признака, характеризующего положение в пространстве, для диалектной картины мира вологодского крестьянина пространство заключается в циклические круги с центром «здесь» («здесь и сейчас» если говорить о диалектном хронотопе в целом) и расходящимися от него определениями направления и обозначениями более отдаленного пространства. Пространственный параметр «здесь» тесно связан с понятиями «рядом» и «вместе» («сообща»). Значения соположения в пространстве и сосуществования в одном социуме могут соединяться в одном слове, что в определенной степени отражает идею соборности, особенности жизни крестьянской общины, неразрывно связанной с дружеской взаимовыручкой, соседской взаимопомощью и понятием о правильности неравнодушного отношения к заботам других людей – соседей, друзей, родственников, а также отчасти может быть обусловлено необходимостью объединять усилия в достижении общей цели – например, при выполнении сельскохозяйственных работ и т. д.

Обстоятельственные наречия причины и цели (44 лексемы) аккумулируют в основном отрицательную семантику и представлены в значениях 'напрасно, зря' (*беспуті́, дуро́м, испу́ста, пу́сто, спу́сто, спу́ста, зоря́нко, здря́, зря́шино*), 'назло, во вред' (*на́шаль, нашально́е, на́благое, на́дико, навздо́р, наздо́р, назо́л, наодере́нь, насоба́чиво*), 'нарочно, специально, намеренно, умышленно' (*намы́шино, снаро́ку, занаро́чно, ча́янно, сто́дели*), 'невзначай, случайно' (*шутно́, сплоха́*), 'нечаянно' (*невза́ранок*).

Группа собственно-характеризующих наречий (около 650 лексем) в вологодских говорах делится на наречия образа действия (51%), качественные (23%), количественные (21%), наречия сравнения и уподобления (5%).

С точки зрения семантики качественные диалектные наречия мы разделяем на наречия с отрицательной и положительной коннотацией, так как возможность выражения оценки имеет большое значение для диалектной картины мира. Значения качественных наречий формируются вокруг нескольких основных семантических оппозиций характеристики действия. Например, семантическая оппозиция признака качественной характеристики действия содержит наречия со значениями 'выполненное хорошо, так, как надо, как следует' (*дору́дно, бо́лозе, бо́лози, добру́сто, че́стно, исто́во, добро́, исправно́, кле́йно, ладо́м, ла́дно, рукоде́льно, дело́во, испо́лу, ровно́, тоде́льно, тоде́льне, и др.*) и значением 'выполненное плохо, небрежно' (*нетоде́льно, опа́ка, ро́хло, набо́зорь, мо́том, некоры́стно, колотовато́, стря́нно* и др.). Оценочная характеристика действия имеет большое значение для диалектной картины мира, так как определяет этические основы ее функционирования. В случае качественных наречий оценочность опирается также на возможность образования степеней сравнения от наречий на *-о*, например: *земляни́сто* 'низко, близко к земле': *Земляни́стее коси́-то, земляни́стее* [СВГ, 2: 169]; *пока́тно* 'быстро, скоро': *Попа́вжнэ́м, бова́ть, пока́тнее пойдёт робо́та-то* [СВГ, 7: 128]; *де́льно* 'красиво, доставляя наслаждение взору внешним видом': *Наш наро́д отли́цлся от всех, дильня́ надва́лся, из себя́ как-то дильно́ выгля́дывал* [СВГ, 2: 18]. Как правило, преобладают наречия отрицательной оценки, что может быть обусловлено отношением к положительно оцениваемым феноменам как к норме, поэтому слова с основным или коннотативным значением, содержащим отрицательную оценку, являются маркированным членом оппозиции.

Антропоцентричность диалектной картины мира обуславливает преобладание характеристики носителя / носителей диалекта как субъектов действия. Адвербиальная система диалекта характеризует особенности их внутреннего самочувствия и самоощущения, внешнего вида, поведения, образа жизни, контакты в социуме, отношения с другими людьми, осо-

бенности использования вещей, особенности использования пространства вокруг социума. Формируется «я-ориентированная» структура адвербиальных значений образа действия, которая всесторонне описывает жизнь диалектоносителя в том обществе и пространстве, которое его окружает. Косвенным подтверждением нашего мнения служит наличие в вологодских говорах оппозиции «вместе» / «врозь, отдельно». Например, наречия со значением ‘отдельно, особо’ *особе, особо, особедня, особицей, наособе, наособицу, наодносторонье* относятся к пространственному расположению (*Ба́бка-то особо жи́ла, в друго́й дере́вне; Фа́йна пойдёт в лес со все́ми, а там ве́чно особицей* [СВГ, 6: 77]), образу жизни (*Они́ уже́ жи́ли особе, когда́ я пришла́* [СВГ, 6: 77]; *одноли́чно* ‘ведя отдельное, самостоятельное хозяйство, единолично’: *Ковда́ одноли́шно жи́ли, дак че́тыре коро́вы у нас бы́ло* [СВГ, 6: 34]), особенностям поведения (*Никогда́ э́той де́вочки вме́сте с дру́гими не ви́дела, все́ наособи́чу* [СВГ, 5: 56]), характеристике различных действий (*Иди́ и ешь, особи́дня тебе́ нагото́вила* [СВГ, 6: 77] *Я уж всегда́ ему́ вари́ю наособе, в друго́м штя́ницке, ма́леньке́м* [СВГ, 5: 56]).

Количественные наречия (наречия-интенсификаторы, наречия меры и степени) в вологодских говорах представлены 174 лексемами, которые объединяются в три основные группы: наречия, выражающие неопределенное количество (*ма́ло-розма́ло* ‘очень мало’: *Ма́ло-розма́ло води́цы-то в пруде́* [СВГ, 4: 70]; *наумале́* ‘совсем мало’: *Хле́ба-то в войну́ наумале́ бы́ло, ма́ло, дак не хвата́ло* [СВГ, 5: 81]; *неба́тко* ‘немного, совсем мало’: *Неба́тко нас с войны́ верну́лось* [СВГ, 5: 87]; *впорядо́вно* ‘много, в большом количестве’: *Наро́ду-то так впорядо́вно нае́хало* [СВГ, 1: 86]; *вту́гую* ‘много’: *Наро́ду-то вту́гую набра́лось* [СВГ, 1: 88]; *сополáт* ‘много’: *Их ведь сополáт веток-то сто́ит, не по веточке; В лесу́ я́год сополáт-сополáт*); наречия, выражающие определенное количество (*вдвэ́рядку, вдвэ́рядь, вдво́йки* ‘вдвое, в два ряда, слоя’: *Вдвэ́рядку скру́тишь ни́тки; Вдво́редь обо́рку-то де́лали; Поя́с согну́ли вдво́йки, а на конца́х кисточки* [СВГ, 1: 58]), и наречия степени (*дозва́нья, дозва́нница* ‘совсем’: *Весь дом сгорéл дозва́нья; Все́ дозва́нья рoтаска́ли; Все кресты́ дозва́нница изло́маны, дак не найт́и* [СВГ, 2: 36]; *небе́ды* ‘нисколько’: *Дед-то небе́ды не понима́л*).

Сравнительно-уподобительные наречия с местоименными корнями актуализируют семантику противопоставления-сравнения «так, как тут» / «так, как там»: *позату́тошнему* ‘по-местному, как принято в данной местности’: *Казачки́ позату́тошнему называ́ли* [СВГ, 7: 124]; *по-сюдошному* ‘так, как здесь, в этом месте’: *Я-то по-сюдошному киле́йница: никoгó у меня́ нет, одна́ ко́шка* [СВГ, 8: 14]; *по-тамошнему* ‘по-другому, так, как там’: *При́ехали, а по-тамошнему говоря́т* [СВГ, 8: 15]; «так, как теперь» / «так, как тогда»: *по-но́нешнему* ‘по-современному’: *Сейча́с все́ по-*

нонешнему говорят; подосюдошному ‘по-старинному, по-прежнему’: *Подосюдошному так называли* [СВГ, 7: 105].

В этой главе также описываются сложные случаи классификации диалектных наречий. К диалектным наречиям в вологодских говорах примыкает более трёхсот наречных выражений – различного рода адвербиализированных сочетаний слов, которые имеют ярко выраженное адвербиальное значение, соответствуют общерусским моделям образования и по своим структурно-семантическим характеристикам могут быть рассмотрены в отдельных случаях как наречия. При широком понимании наречия как грамматического поля такие сочетания будут составлять его дальнюю периферию поля. Мы приводим наиболее частотные структурные модели наречных выражений в вологодских говорах: например, наречные предложно-именные сочетания с предлогом *без*: *без утóру* ‘без меры, очень много’: *Я вот тóже ем сегóдня без утóру; без отря́сса* ‘не беспокоясь ни о чём, не думая о завтрашнем дне’: *Порóбишь лётom, дак зимóй и ешь без отря́сса* и т.д.

Мы определяем следующие локальные особенности исследуемых наречных выражений: (1) присутствие в их составе локально ограниченных элементов: *на кляту́* ‘наклонно (о растущем дереве)’: *Дерево бывáет такóе на кляту́, накля́пло дере́во. Вот це́ накля́пнёт: вётром ёго или срубят – онó наклонилось, но не упáло, вот накля́пло* [СВГ, 3: 69]; (2) присутствие локально ограниченных грамматических форм: *из крючкí в крючку́* ‘основательно, досконально’: *Он гóрод из крючкí в крючку́ знает* [СВГ, 4: 8]; (3) отражение локальных особенностей диалектной языковой картины мира: например, наречия образа действия отражают специфику трудовых процессов сельскохозяйственного производства, связанных с особенностями проживания человека в природных условиях Русского Севера: *на разва́л* (пахать) / *на свал* ‘с краев участка к середине / с середины поля к краям’: *А мóжно и на разва́л паха́ть; Туда́ поёхал – в одну́ сто́рону земля́-то, а обратнó поёхал – в другу́ю ложится́; На свал на́шут зёмлю – в одно́ мéсто ложиччё и рыхлая какáя* [СВГ, 7: 18]; *наотва́л* (пройти) ‘при косьбе пройти второй ряд с обратной стороны так, чтобы трава ложилась в один валок’: *Наотва́л пройду́ сейча́с* [СВГ, 5: 56]; *мо́лем* ‘россыпью (о сплаваемом лесе)’: *Снац́ла дрова́-те мо́лем сплавля́ли* [СВГ, 4: 92] и др.

Глава 3 «Динамика внутренней формы слова диалектных наречий в современных вологодских говорах» включает анализ изменений внутренней формы диалектных наречий в вологодских говорах, в результате которого выявляются факторы, влияющие на её большую или меньшую прозрачность. Как с диахронической, так и с синхронической точек зрения, наречия соотносятся со словами всех знаменательных частей речи, а в структуре наречий обнаруживается сплав разнофункциональных элементов. Структура диалектных наречий предстает еще более сложной,

так как на нее влияют различные случаи затруднения морфемного анализа, связанные с разграничением синхронического и диахронического подходов (выделение в структуре наречий субморфов, степень привлечения этимологических данных), с затемнением морфемной структуры наречий морфонологическими процессами, обусловленными устной формой бытования говоров, вопросы взаимодействия морфем и т. д.

Производные наречия с живой внутренней формой составляют два подтипа – мономотивированных и полимотивированных наречий, последние, по нашим наблюдениям, составляют незначительную часть адвербиальной лексики вологодских говоров: два и более мотиватора в вологодских говорах имеют наречия, для которых характерна множественность словообразовательной мотивации, что приводит к различной интерпретации их внутренней формы и выражается в формальной вариативности морфемного состава: например, *прóзорко* ‘внятно, разборчиво, понятно’ [СВГ, 8: 82] ← *зóрко* ‘ясно’ [СРНГ, 11: 341]; *прóзорко* ← *прóзоркий* ‘наблюдательный, умеющий предвидеть что-либо’ [СВГ, 8: 82].

Наречия, мотивированные существительными, представляют большое разнообразие мотивационных признаков словообразовательной транспозиции в вологодских говорах: например, обстоятельственные наречия времени, маркирующие временной признак, соотносятся с мотивирующими существительными, обозначающими временные промежутки, и имеют лексикализованное словообразовательное значение производного слова (термин Л.Г. Яцкевич): «производя действие во времени, названном мотивирующим существительным» [Богданова, Яцкевич, 2006: 49]: *гóд/ом* ‘в течение года, за год’ [СВГ, 1: 116] ← *год*; в том числе для этого используются диалектные обозначения временных промежутков, например: *однополдёнк/ом* ‘в один день, за один день’ [СВГ, 6: 34] ← *однополдёнк* ‘время от утра до вечера, один день’ [СВГ, 6:34], *свёт/ом* ‘рано утром, на рассвете’ [СВГ, 9:103] ← *свет* ‘рассвет, утро’ [СРНГ, 36: 252], в вологодских говорах реализуется также диалектная модель словообразования: ср.: *пóдень* ‘за один день’ [СВГ, 7: 93] ← *день*. Внутренняя форма таких наречий представляется нам прозрачной.

В группе наречий, мотивированных прилагательными, прозрачная внутренняя форма наблюдается у отадъективных наречий суффиксального способа образования. Это связано с особенностями перехода качественного признака субъекта или объекта на обозначение качественного признака предиката: *бáск/о* ‘красиво, нарядно; приветливо’ [СВГ, 1: 22] ← *баск/ой* ‘красивый’ [СВГ, 1: 22], *вóложн/о* ‘жирно’ [СВГ, 1: 78] ← *вóложн/ый* ‘жирный’ [СВГ, 1: 78], *налóжн/о* ‘усердно, прилежно, старательно’ [СВГ, 5: 50] ← *налóжный* ‘старательный, прилежный’ [СВГ, 5: 51], *мóркотн/о* ‘тоскливо’ [СВГ, 5: 3] ← *мóркотный* ‘скудный, грустный’

[СРНГ, 18: 67], *воздѣржио* ‘воздержанно’ [СВГ, 1: 77] ← *воздѣржнѣй* ‘воздержанный’ [СВГ, 1: 77] и т. д.

Внутренняя форма наречий, мотивированных именами числительными, сохраняет прозрачность и «считывается» почти всегда, так как вписывается в систему диалектных корневых гнезд с вершинами – именами числительными и поддерживается их широкой употребительностью во всех сферах человеческой деятельности, как в литературном языке, так и в диалектах: ср., например, количественные наречия совместности, мотивированные числительным *два*: *двоѣме, двоѣнѣ, двоѣнѣй, двоѣнѣй, подвоѣнке, подвоѣнке* ‘вдвоем’, мотивированные числительным *три*: *потроѣнке, потроѣнке, троѣнѣ, троѣнѣй, троѣнѣй* ‘втроем’ и т. д.

Наречия, мотивированные местоимениями, представляют собой значительную (и древнейшую!) часть адвербиального фонда вологодских говоров. Исследователи [Янович, 1978; Чурмаева, 1989; Яцкевич, 2010] признают, что местоименные наречия во многих своих функционально-семантических свойствах ближе к местоимениям, чем к наречиям. Тем не менее, такие наречия указывают на признак – обстоятельственный (*оттудов, оттуды, оттудь, оттудль, оттудля, оттудтош, оттולי, оттолья, оттель, отетудль, отетудля* и пр. в значении ‘оттуда, из того места’) или (реже) качественный (*эк, эко* ‘именно таким образом, не как-либо иначе’; *другомя, другоми* ‘по-другому’ и др.) – и могут рассматриваться наряду с полнозначными наречиями.

Из наречий, мотивированных глаголами, чаще обладают прозрачной внутренней формой суффиксальные образования, другие же отглагольные наречия относятся нами к группе лексем с затемненной в той или иной степени внутренней формой, что связано с развитием значений наречий и в определенной мере обусловлено наличием префиксальных элементов в их структуре. Например, мутационные словообразовательные типы (метафорическая мутация) наречий представлены словообразовательным типом со значением «производя действие, подобное тому, которое названо мотивирующим глаголом»: наречия с суффиксом *-а*: *молч/а* ‘тихонько, бесшумно’ [СВГ, 4: 92] ← *молч/ать, ошуп/я* ‘ошупывая, найти, отыскать; ничего не видя от усталости, ошупью’ [СВГ, 6: 115] ← *ошуп/ать* и др.

Наречия, мотивированные наречиями, относятся к модификационному типу словообразования и иллюстрируют внутреннее развитие адвербиальной системы говоров за счет уже существующих в ней элементов, для которого характерно повышение экспрессивности новых единиц в сравнении с мотивирующими наречиями и появление у них новых оттенков значений: *мотор/онько* ‘неприятно, противно’ [СВГ, 5: 7] ← *моторно* ‘позорно, недостойно, стыдно’ [СВГ, 5: 7], *помал/енько* ‘немного, чуть-чуть’ [СВГ, 7: 150] ← *пómало* ‘маловато’ [СВГ, 7: 150]; *мелч/ѣшенько* ‘мелкими шажками’ [СВГ, 4: 81] ← *мѣлко* (с чередованием *к/лч*),

мног/ошенько 'в избытке, сверх меры, очень много' [СВГ, 4: 86] ← *много* и т.д.

Анализ структурной организации диалектных наречий в современных вологодских говорах показал, что морфемная структура этих слов характеризуется неодинаковой членимостью. Степень членимости основ диалектных наречий определяется действием общеязыковых факторов (структурный тип основы / слова, наличие и характер мотивационных связей с однокоренными и одноструктурными словами, существование между однокоренными словами отношений словообразовательной производности и др.), а также факторов, активных в устной разговорной речи (наличие или отсутствие формально-семантического варьирования морфем и основ слова) и собственно диалектных факторов (наличие или отсутствие в составе наречий локально ограниченных морфем, отнесённость основы к локально ограниченному структурному типу или словообразовательной модели).

Мы разделили исследуемые наречия на три группы в зависимости от степени лексикализации их внутренней формы, связав эту особенность со спецификой производности и членимости исследуемых наречий, с особенностями реализации в них отношений структурной и семантической мотивированности.

Наречия с живой внутренней формой относятся к числу членимых и производных, легко обнаруживают в системе вологодских говоров производность и членимость, в полной мере реализуют отношения структурной и семантической мотивированности: *навечеру́* 'вечером'; *верняком* 'наверняка' и др.

Наречия с лексикализованной внутренней формой утратили семантическую мотивированность наряду с очевидным сохранением структурной мотивированности внутри корневого гнезда и аффиксальной парадигмы. Производность и членимость основ таких слов имеют формальный характер, а корневые морфемы характеризуются семантической связанностью.

Внутренняя форма наречий с основами незначительной степени лексикализации является затемненной, то есть в таких наречиях не все вычленяемые сегменты внутренней формы слова осознаются как взаимообусловленные: например, *вдóсталь* 'сверх того, в придачу, в дополнение', *жа́лко* 'с чувством любви к кому-либо'; основа таких наречий может включать морфемно связанные корни или же унирадиксоиды: *ёмко* 'быстро, ловко'; а также десемантизированные элементы (чаще в структуре наречий местоименного происхождения): *лонйсятко* 'в прошлом году', *давечась* 'некоторое время тому назад'.

Как и наречия с основами незначительной, слабой степенью лексикализации, наречия с основами средней степени лексикализации характеризуются наличием затемненной внутренней формы, но степень лексикали-

зации внутренней формы в данной группе наречий гораздо выше, например: *зап ráвно* 'обеспеченно, в достатке, без нужды', *исп ráвды* 'до конца, полностью'.

Отличие наречий с основами средней степени лексикализации от наречий с основами высокой степени лексикализации состоит в типе словообразовательной мотивации, который в типологии мотивированности И.С. Улуханова обозначен как «третья степень мотивированности». Специфика этой ступени мотивированности заключается в том, что значение мотивирующего слова не входит в значение мотивированного слова, но они связаны экспрессивно (например, *распатронить*) [Улуханов, 1975]. В морфемной структуре наречий с основами средней степени лексикализации содержится семантически связанный корень, то есть для них характерна неполная степень членимости: ср. семантически слабый корень *-собач-* в структуре диалектных наречий *по-собáчьи* 'небрежно, кое-как', *насобáчиво* 'назло'.

Наречия с основами средней степени лексикализации ярко выделяются на общем фоне слов диалектного корневого гнезда несоответствием общему предметному значению, объединяющему слова в гнезде: например, в диалектном корневом гнезде с вершиной – глаголом *ходить* функционируют наречия *подходя́* 'так, как подобает, хорошо', *подходя́во*, *подходя́че* 'достаточно хорошо, неплохо', *вопрохо́д*, *впрохо́д* 'всегда, постоянно, часто', *прохо́д*, *запрохо́д*, *попрохо́д* 'часто, постоянно' и т. д.

В вологодских говорах наречия с основами высокой степени лексикализации представлены следующими группами адвербиальных лексем: это наречия со значением высокой степени интенсивности и экспрессивности, переходящем к абстрактному обозначению признака (*дívное* 'много, в большом количестве', 'давно, в течение длительного времени'), и количественные диалектные наречия, обозначающие неопределенное количество (*впорядóвно* 'много, в большом количестве', *вгустю́ю* 'много'). Внутренняя форма таких наречий определяется как лексикализованная, «компоненты которой вычленяются носителями языка, но не могут быть объяснены» [Блинова, 2007: 1964]. В диалектных наречиях чаще фиксируется лексикализация мотивирующей части внутренней формы слова.

Наречия с основами высокой степени лексикализации имеют структурный тип словообразовательной мотивации и соотносятся с мотивирующими словами, которые входят в их корневое гнездо. Морфемная структура наречий этого типа также может быть определена как фразеологизированная (термин Т.А. Сидоровой). Компоненты морфемной структуры наречий с фразеологизированной морфемной структурой выделяются только на основе структурной соотносительности с другими словами.

Наречия с основами высокой степени лексикализации выделяются в составе диалектного корневого гнезда: они имеют значение, не вытекаю-

щее из значений окружающих их слов, не поддерживают общие для остальных слов в гнезде ассоциативные связи и предметную отнесенность внутренней формы, часто они формируют внутри основного гнезда собственную ветвь развития значений в производных словах – с большой степенью спаянности, собственно такие слова могут формировать отдельное гнездо в результате словообразовательной дивергенции: ср. *дивьё́, дивья́, дювья́, дюйдя́, дюйя́, полдивья́, сполдивья́* ‘хорошо, легко, просто’.

Около 4% всех наречий в вологодских говорах имеют нечленимые основы. Их внутренняя форма может быть охарактеризована как «мёртвая» по причине утраты возможности членения и формально-семантического соотношения каких-либо элементов внутри основы с морфемами общерусского или диалектного морфемного фонда. Нечленимые наречия по характеру их внутренней формы и степени ее лексикализации делятся нами на три группы: наречия с дестимологизированными основами (*колева́нни, почи́*), наречия с высокой степенью лексикализации внутренней формы на грани дестимологизации (*скроз, скрозь, дрызг, ами'нь*); нечленимые мотивированные наречия (*близь, перёд, прежь, вечор*).

В процессе лексикализации внутренней формы диалектное слово проходит несколько стадий, которые можно проследить, рассматривая функционирование наречий в составе диалектного корневого гнезда. Такой подход позволяет обнаружить, что затемнение внутренней формы диалектных наречий на первом этапе вызывает семантическую диффузию лексического значения, на втором этапе процесса лексикализации внутренней формы обнаруживается развитие морфемной сочетаемости, взаимозаменяемости морфем в структуре однокоренных наречий, в дальнейшем возможно изменение фонетического облика корневой морфемы и появление одноструктурных наречий со сходным или идентичным лексическим значением, корневые морфы которых являются связанными и также взаимозаменяемыми без семантических потерь, причем последние три пункта можно считать критериями высокой степени лексикализации внутренней формы диалектного наречия.

Существование выделенных групп диалектных наречий в современных вологодских говорах ярко свидетельствует о том, что в данной системе наречие является не застывшей, а постоянно пополняющейся, динамической группой слов. Диалектные особенности структурной организации наречий проявляются в том, что в их структуре присутствуют локально ограниченные элементы, а также в том, что общерусские элементы реализуют в вологодских говорах иной семантический и функциональный потенциал.

В заключении делаются основные выводы исследования и намечаются перспективы его продолжения.

Описание структурно-семантических особенностей наречий в современных вологодских говорах может быть продолжено рядом лингвистических экспериментов с фиксацией рефлексии диалектоносителей на внутреннюю форму того или иного слова, а также более детальным изучением грамматической специфики диалектных наречий, особенно на периферийных зонах грамматического поля наречий.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

1. Драчева Ю.Н. Вариативность как типологическое свойство структуры диалектного слова (на примере наречий в современных вологодских говорах) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 11. – С. 158–161. (0,5 п.л.) (Реестр ВАК Минобрнауки РФ).

2. Драчева Ю.Н. К проблеме экспедиционного изучения морфемной структуры диалектных наречий (на материале вологодских говоров) // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: исследования и материалы / научн. ред. Е.Н. Шаброва. – Вологда: Издательство Вологодского государственного педагогического университета, 2008. – С. 80–85. (0,4 п.л.)

3. Драчева Ю.Н. Проблемы лексикализации внутренней формы диалектного слова (на примере наречий в современных вологодских говорах) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Часть 2 / отв. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Издательство Вологодского государственного педагогического университета, 2008. – С. 279–285. (0,4 п.л.)

4. Драчева Ю.Н. Явление лексикализации внутренней формы слова в современных вологодских говорах (на материале диалектных наречий со значением ‘много’) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Часть 3 / отв. ред. Е.Н. Шаброва. – Вологда: Издательство Вологодского государственного педагогического университета, 2009. – С. 122–130. (0,4 п.л.)

5. Драчева Ю.Н. Проблемы анализа внутренней формы диалектных наречий с корнем *-ход-* в современных вологодских говорах // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Часть 4 / отв. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Легия, 2010. – С. 185–190. (0,4 п.л.)

Юлия Николаевна Драчева

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРЕЧИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ**

Подписано к печати 08.11.2011. Печ. л. 1,4. Тираж 100 экз.

Отпечатано: ООО «ИЦП «Легия»
160031, Вологда, ул. Октябрьская, 19/116

